

БОРИС ТОЛЧИНСКИЙ

МАШИАХ

ЦИКЛ «БОЖЕСТВЕННЫЙ МИР»

Борис Толчинский Машиах. Цикл «Божественный мир»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39411179

ISBN 9785449350831

Аннотация

После событий, описанных в трилогии «Наследники Рима», прошло 30 лет. Новая Римская империя в глубоком кризисе. Вожаки плебса винят во всех бедах чужаков-ивримов, тех, кто, несмотря на притеснения, остаётся верен Богу и заветам Торы. Но сами ивримы не считают себя в Империи чужаками. Они верно служили ей, называют её своим домом. Конфликт обостряется, когда плебейский трибун требует изгнать ивримов из столицы. Правительство не поддаётся, и тогда вожаки плебса решают перейти от слов к действиям...

Содержание

МАШИАХ.	5
1. Погром Судного дня	7
2. Царь Иудейский	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Машиах

Цикл «Божественный мир»

Борис Толчинский

Иллюстрация на обложке Елена Панич

© Борис Толчинский, 2018

ISBN 978-5-4493-5083-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МАШИАХ.

Рассказ из цикла «Божественный мир»

Место действия – Темисия, столица Новой Римской империи¹, Иудейский квартал.

Время действия – ночь с 18 на 19 сентября 151-го Года Дракона (1817 по аватаррианскому² летоисчислению).

После событий, описанных в трилогии «Наследники Рима», прошли 30 лет. Новая Римская империя в глубоком кризисе. Она проиграла три войны северным варварам, но сумела собраться и отстоять свои провинции. Молодая императрица римлян Филиция Фортуната становится символом надежд на возрождение. Но её хотят убить, а могущественные сенаторы, князья и магнаты, истинные хозяева державы, ведут смертельную борьбу за власть и выживание. Вожжаки плебса винят во всех бедах чужаков-ивримов, тех, кто, несмотря на притеснения, остаётся верен свое-

¹ Новая Римская империя – государство, созданное в Северной Африке после падения Рима и Константинополя, предположительно в V веке н. э. До 1813 года называлась Аморийской империей, это название используется в трилогии «Наследники Рима».

² Аватарианское летоисчисление примерно соответствует нашему и начинается отсчёт новой эры со времени пришествия на землю богов-аватаров, которое, по легенде, состоялось в 753 году после основания Рима.

му Богу и заветам Торы. Но сами ивримы Империи не считают себя чужаками. Они веками верно служили ей, они обжились здесь, вошли в плоть и кровь этой земли, считают её своим домом. В одной лишь Темиси их сотни тысяч. Конфликт обостряется, когда плебейский трибун, официальный защитник народа, требует от аристократического правительства Павла Юстина решительно изгнать всех ивримов из столицы. Правительство не поддаётся на шантаж. И тогда вожаки племени решают перейти от слов к действиям...

1. Погром Судного дня

Иудейский квартал горел.

Когда-то, в пору юности Темисии, его решили строить на побережье озера Феб, за юго-западной окраиной города. Чтобы патрисы с плебеями, то есть квириты, полноправные граждане Империи, жили в своей новой столице отдельно, а иври, ивримы, «пришедшие», как называли здесь выходцев из древней Иудеи, чужаков без имперского гражданства, – отдельно.

Прошли ещё сто-двести лет, и оказалось, что отдельно проживают именно патрисы, а плебеи сделались соседями ивримов. Темисия быстро росла и вскоре поглотила поселение ивримов. Тогда-то и появилось название – Иудейский квартал.

Место оказалось удачным, очень удобным для торговли, к тому же и престижным, дорогим. Плебейские вожди не раз пытались выселить отсюда ивримов, собирали подписи и отправляли делегации к столичному эпарху. Заодно с плебеями выступали этнические греки, которые после падения Европы и погружения её в пучины варварства переселились в Северную Африку, на земли возродившейся здесь Римской империи. Греки и плебеи полагали, что терпят из-за оборотистых ивримов колоссальные убытки. А патрисы и князья, потомки Фортуната, наоборот, привычно покровительство-

вали ивримам. Многие аристократы доверяли им ведение своих дел, нанимали учёных ивримов для детей и даже позволяли этим «пришедшим» лечить себя, отдавая им предпочтение перед имперскими докторами.

Вопрос о переносе Иудейского квартала за новые границы космополиса³ часто дебатировался в Народном собрании. Плебейские магнаты, которые обычно подкармливали честных представителей народа и спонсировали их избирательные кампании, давно облизывались на земли Иудейского квартала. Поэтому избранные делегаты настойчиво голосовали за выселение ивримов. Заголовками «Ивримы – вон из Рима!» пестрели все плебейские газеты.

Опираясь на поддержку делегатов и газет, плебейский трибун не раз лично ходатайствовал перед первым министром. Но всё напрасно. Павел из прославленной великокняжеской династии Юстинов, подобно своей матери княгине Софии, возглавлял правительство оптиматов, аристократической партии. Плебейские вожди стояли в жёсткой оппозиции к нему и даже не надеялись, что правитель хотя бы в чём-то важном пойдёт навстречу им. С трибуном Андроном Интеликом⁴ первый министр всегда был холодно учтив. Но все знали, что князь Павел мечтал бы видеть на месте трибуна

³ Космополис – принятое у новых римлян определение Темисии как «всемирной столицы».

⁴ Андрон Интелик впервые появляется в романе «Нарбоннский вепрь», первой части трилогии «Наследники Рима». Там он молодой оратор-популист, сын народного трибуна Кимона.

другого человека. И что Андрон Интелик, в свою очередь, с огромным удовольствием свалил бы правительство Павла Юстина, как он уже раз свалил правительство его матери. У высокородных Юстинов были все основания считать плебейского трибуна личным врагом. А трибун, в свою очередь, не уставал гордиться этим перед простым народом, своими избирателями.

Ивримы, сами по себе, ни первого министра, ни народно-го трибуна не интересовали.

Так вот и жили они в столице Обитаемого Мира, замкнувшиеся на своём клочке земли между Ливийским трактом и озером Феб. Пока в одну тёплую осеннюю ночь люди в неприметных плебейских плащах, собравшись в группы по пятнадцать-двадцать человек, не перешли тракт, эту условную границу между цивилизациями, и не разлились смертоносной волной по улицам квартала.

Этих людей сначала были сотни, а потом и тысячи, они явились неожиданно и действовали очень быстро. В руках одних горели факелы, другие были вооружены кинжалами и ножами. Кто-то имел при себе настоящее армейское оружие, кхопеш или гладиус. Хотя носить оружие имели право лишь легионеры. Огнестрельного и электрического оружия не было ни у кого – ведь эти люди шли не просто убивать, они шли пускать кровь своим недругам и упиваться видом этой крови.

В каждой из групп были три «знаменосца». Первый нёс

имперский флаг, белое полотнище с двенадцатью разноцветными звёздами. На стяге второго был символ начавшегося в этом году царствования – ярко-оранжевая ящерица в струях огня. А третий держал небольшое чёрное знамя с красным фригийским колпаком посередине, знамя простого народа. Что означало, по задумке вдохновителей погрома: верноподданные граждане идут вершить свой беспощадный приговор злодеям-иноверцам.

Но были и слова. Как только начался погром, когда пролилась первая кровь и дома ивримов охватило пламя, жители квартала закричали от отчаяния и ужаса. А их убийцы наполняли воздух торжествующими и кровожадными воплями, среди которых чаще других повторялись фразы:

– Жги, ради Божественной Филиции!

– Именем Воплощённой Саламандры и во славу её!

– Мёртвый иврим – лучший подарок нашей госпоже к её помолвке!

Ивримы были беззащитны. Имперские законы запрещали им владеть оружием. Погромщики застали их врасплох. По странному совпадению, именно в этот день, день помолвки семнадцатилетней августы, её подданные-иудеи отмечали самый важный из своих праздников – Йом Киппурим, или Судный день.

Как и всё, что было связано с их древней верой, иудеи отмечали Судный день полулегально. Имперские законы запрещали им собираться в синагогах и молиться богу Авра-

ама, Исаака и Иакова. По всей Империи молиться можно было лишь Творцу, его небесным посланцам-аватарам, Фортунату-Основателю и прямым потомкам Фортуната на Божественном Престоле. Согласно вердикту Святой Курии, молиться любому другому божеству значит поклоняться силам Хаоса и призывать их на головы честных квиритов.

Но имперские законы не запрещали иудеям собираться для чтения их древних книг. Иудеи были полезны Империи. Поэтому она милостиво соглашалась считать Тору, Пятикнижие, памятником их письменной культуры, а не писанием враждебного аватаристанству вероучения. Это спасло Пятикнижие от запрета, а народ ивримов – от исчезновения, от растворения в безмерном море «варваров».

Ивримы в Судный день постились, читали Тору и молились, но молились молча, про себя. Империя считала себя самой свободной страной Ойкумены⁵, негасимым светочем цивилизации, и гордилась тем, что не преследует людей за мысли. Никто не проводил облав среди ивримов, не искал отступников и святотатцев. Ивримы в этот день, как и в любой другой, были предоставлены самим себе.

До этой страшной ночи.

Среди начавшегося здесь ада, однако, были двое, которые не убегали никуда, дома не грабили, ни на кого не нападали. Они быстро шли от дома к дому, стараясь никому не попадаться на глаза. Одеты были эти двое в обыкновенные пле-

⁵ Ойкумена – здесь: весь Обитаемый Мир.

бейские плащи с капюшонами, такие же, как у погромщиков.

Но один из этих двоих приходился нынешнему правителю Империи родным племянником, а другая (это была она) как раз сегодня в полдень должна была объявить *Urbi et Orbi* – Городу и Миру – о своей с правителем помолвке.

Погромщики бы просто не поверили, если бы увидели здесь ту, в чью честь им приказали жечь, крушить и убивать. Девушка шептала:

– Ты слышишь, Макс? Они не устают бесчестить моё имя, моё дело и мой трон! Таков их мне подарок?

– Ты удивляешься? А я нет! – отвечал ей юноша. – Толпа лишь прикрывается тобой, желая выместить на ком-то свою злобу. А злоба-то давно копилась, и у этой злобы не бывает дна!

Девушка взяла друга за руку и крепко сжала её.

– Это моя вина, только моя. Мне следовало лучше понимать, как отзовутся мои робкие призывы к миру и любви в озлобленных сердцах этих людей. Кто, как не я, позволила им пробудить в себе звериные инстинкты?

– Филис, не вини себя. Ты не в ответе за...

– Оставь! Ты знаешь: я за всё в ответе, только я одна. В ответе перед теми, кто глядит на нас со звёзд и судит каждую живую душу в этом мире. Судит по поступкам, а не благим намерениям, – она подняла голову вверх, капюшон спал, и Макс увидел слёзы на её лице, всегда таком живом и страстном.

Но звёзды не светили в эту пасмурную ночь: царили здесь только огонь и ветер, крики боли и отчаяния, порывы ярости и упоение пролитой кровью.

– Я не прощу себя, если с Давидом Хасмоне́йским что-нибудь случится. Я не прощу никого! Клянусь Творцом, который создал этот мир; клянусь небесными богами, которые поставили меня над Ойкуменой; клянусь кровью Фортуна́та, которая течёт во мне, я не стану никого прощать, я запрещаю себе это, кого-либо прощать без искупления, – повторила она, ускоряя шаг. – Поторопимся, Макс!

– Когда ты не прощаешь, то и я подавно, – отозвался он.

Улица сделала крутой поворот. Филис и Макс увидели, как серые тени в плебейских плащах снуют у большого, богатого дома ивримов. Он стоял в конце улицы, на самом берегу озера Феб. Ценности уже вынесли; трое погромщиков быстро складывали ковры, драгоценности и дорогую утварь в огромные мешки, которые, похоже, принесли с собой, заранее готовясь грабить. Другие трое бегали вокруг дома с факелами, пытались поджечь его в разных местах.

Потом Филис и Макс увидели ещё двоих, они волокли из дома человека, облаченного в талит, на несчастном не было лица, но он был жив и пытался сопротивляться. Его несколько раз ударили ножом и бросили в озеро. Всё, что осталось от него, лишь громкий всплеск воды. Там же, у самой воды, ещё одна троица поймала женщину. Двое держали её, а третий срывал одежду.

Филис накинула капюшон и побежала. Макс устремился за ней.

– Да их тут дюжина, не меньше, – пробурчал он.

– Неважно, сколько их... неважно, – ответила Филис.

Никто из погромщиков не смотрел в их сторону. Из дома выносили огромные часы с маятником, драгоценную мекенору и большой, обитый бархатом сундук. Женщина пыталась вырваться, мычала из-под кляпа, но её держали крепко и щадить не собирались. Насильник в нетерпении растёгивал штаны.

В окне второго этажа появился человек, он был очень стар, в одной лишь рваной тунике, с чёрной коробочкой-тфилином на лбу. Глаза старика выпучены от изумления и страха. Старик увидел Филис и Макса, простёр к ним руку, закричал, мешая древнеарамейский с простонародной латынью. В следующий миг изо рта старика хлынула кровь, он качнулся назад, исчез из вида, появился вновь, перевалился через подоконник и упал вниз. Следом в окне возник его убийца. Это был крупный мужчина с красной оплывшей физиономией, мясистым носом и свинячьими глазами, почти лысый.

– Так-то! – прогремел убийца, голос у него был низкий и хриплый, режущий слух. – Так их, вражье племя... Наша богиня славная девица Фортуната! Вот тебе, девонька, кошереного окорока на твою свадьбу! Будь здрава, наша Саламандра! Ишь, доброй свининой брезгают, ублюдки...

– Этот мясник убил Янкеля!... – чуть слышно прошептала Филис, и Макс сразу понял, что случится дальше.

Она вскинула руку, в свете пожара на мгновение блеснул металл, а в следующий миг небольшая металлическая звезда уже сверкала во лбу убийцы старого цадика. Мясник потрясённо охнул, качнулся взад-вперёд, затем свалился вниз, упал на тело своей жертвы.

– Остановитесь! – воскликнула Филис. – Остановитесь и оставьте в покое этих бедняг!

Её заметили. Откуда-то стали появляться люди. Насильники также обернулись на её голос. Макс встал рядом с нею.

– Ты кто? Что за... – удивлённо произнес один, державший знамя с Саламандрой. Голос у него был высокий и писклявый, совсем не подходящий огненному стягу.

– Остановитесь, – властно повторила Филис и открыла лицо. – Ступайте по своим домам, просите там прощения у Фатума-Творца, у всех великих аватаров, у вашей богини и госпожи, которую вы унизили и оскорбили своим постыдным действием. Ступайте, уходите! Или все сейчас умрёте.

Глумливый смех был ей ответом. Её, конечно, не узнали здесь, хотя это лицо знали все: той, кто восседает на Божественном Престоле и царит, хотя бы и формально, над целой Ойкуменой, быть здесь просто не могло.

– Девочка, ты больна? Ты в своем уме? Сегодня у нас праздник! Помолвка нашей обожаемой августы! Сегодня мы гуляем на костях врагов и пьём их кровь!

– Да она считать не умеет, – ухмыльнулся другой и широко развёл руками, – нас тут двенадцать, а тебя тут сколько, ты и твой костлявый паренёк?

– Десять, – поправил Макс, возник у него за спиной и перерезал гладиусом горло, сначала «счетоводу», а мгновением спустя – и «знаменосцу».

Дальше всё происходило очень быстро. Первый, кто бросился с ножом на Филис, упал с пробитой рукояткой гладиуса головой. Следующий согнулся вдвое, схватившись за распоротый живот. Короткий меч взметнулся снова, и человек с фригийским колпаком на стяге упал в грязь.

– И их осталось семь, – заметил Макс, – ещё? Ещё? Ну же, давайте!

Трое насильников бросили свою жертву, а сами кинулись бежать.

– Вы превозносите меня и тут же от меня бежите? Нет, я не дам вам убежать, – с печалью вымолвила Филис.

Она вскинула руку, легким, изящным движением, совсем не напрягаясь, метнула металлические звёзды. Двое убежавших вскрикнули и упали, третий пошатнулся, но устоял и принялся бежать, что есть силы. «Должно быть, у него там панцирь, под плащом», – ещё успел подумать Макс. Филис послала беглецу вдогонку маленький стилет, едва заметный, тонкий, как игла. Стилет вошел в основание черепа, беглец рухнул на землю.

Вся расправа заняла чуть более минуты. Остались четве-

ро погромщиков. Один, кто был смелее и дурнее, кинулся на юношу с кхопешем, но тут же умер, сам не понял, как. Другой, кто был умнее и успел сообразить, сколь изменилась ситуация, упал перед девушкой на колени, принялся рыдать и причитать, рвал на себе одежду. Ещё двое бросились бежать. Но далеко не убежали – одному Филис послала вдогонку звезду, а у второго отнял жизнь меч Макса.

Он вывернул руки «кающемуся» погромщику и прижал к земле.

– Я вижу, ты осознаёшь свою вину, – сказала Филис, – теперь ответь мне: кто послал вас в Иудейский квартал? Ответишь честно – так и быть, я отпущу твой грех.

Погромщик и не думал отрицать, сопротивляться и юлить, он был готов на всё, чтобы остаться жить.

– Это трибун! Трибун... Андрон Интелик! Сам нас собрал, сам объяснил, что нужно делать.

– Жечь и убивать ивримов? Почему?

– Они наши враги... вечно хитрят и лгут, нас, честных граждан, обижают, не веруют в наших богов, тебя не почитают, нашу Саламандру!

Филис и Макс переглянулись.

– А вы как почитаете меня? Убийствами и грабежами?

Погромщик забился в истерике:

– Я честный римлянин, моя богиня и госпожа, я свой, я из квиритов! Вы не лишите жизни верноподданного гражданина из-за каких-то иудеев, из-за иноверцев, чужаков! Моя

вина лишь в том, что я послушался трибуна, нашего вождя!

– И ты настолько слепо вверился трибуну, что не осознал, какое преступление он поручил тебе?

– Молю, закона и суда! Я честный гражданин, меня попутал Хаос⁶, но вы меня спасли от Хаоса, и я прозрел! А если ненароком преступил закон, то пусть священный суд меня осудит!

– Я твой закон, и я твой суд! Смотри в мои глаза! В глаза! Смотри!!

Макс вывернул голову погромщика так, чтобы его глаза смотрели в глаза Филис. Погромщик, прочитав в этих глазах свой приговор, заголосил:

– Милосердия! Милосердия! Молю, Божественная, милосердия!

– А теперь ты просишь милосердия? Тебе не повезло, у меня нет такой опции...

Она не касалась этого человека, и Макс только удерживал его – но он побагровел, закашлялся, стал судорожно хватать ртом воздух и вскоре затих. Юноша с презрением оттолкнул тело.

– Всё это очень грустно, Макс, – вздохнула Филис. – Я иногда жалею, что боги не даровали мне способностей Медузы. Она умела превращать людей в камень, и эти камен-

⁶ Хаос – в аватариианстве олицетворение беспорядка и неустроенности, которые свойственны нецивилизованным народам. Хаос также олицетворение Дьявола, всех деструктивных сил, желающих разрушить Божественный порядок новых римлян, их Богохранимую империю.

ные статуи стояли по всей Ойкумене свидетельствами глупости людей и их гордыни... Да, я благословила гражданина Интелика искать врагов народа, трона и державы. Всех, кто желает погубить меня и мой народ. Мои народы! А он в ответ обрушился на слабых, беззащитных и невинных, тех, кто не может дать ему отпор. На один из моих народов, виновный только в том, что он – иной, древнее нас и непохож на нас. Разве это иудеи против нас восстали? Пускай они не веруют в меня, но они верны мне. В отличие от негодяев и предателей, желающих мне смерти. Скажи, друг мой, достаточно ли внятно и достаточно ли терпеливо я объясняла нашему плебейскому трибуну, чего жду?

– Гораздо более, чем терпеливо и достаточно, Филис, – в тон ей ответил он. – Умный и верный понял бы давно. Тебе нужен новый защитник народа. Новый плебейский трибун!

– Императрица римлян не вправе указывать римскому народу, кому быть его защитником, а кому не быть, – покачала головой она. – Андрон Интелик стал трибуном, когда мы с тобой ещё не родились. Если плебеи целых двадцать лет выбирают его своим защитником, мне ничего не остаётся, как принять их выбор. Но я это так не оставлю.

Раздался стон. Они тут вспомнили о женщине, которую только что спасли от насилия, и устремились к ней.

2. Царь Иудейский

Это была девушка, совсем юная. Она лежала на сырой земле полураздетая и во все глаза смотрела на Филис. Когда та наклонилась к ней, иудейка закрыла глаза и проговорила:

– Наверное, я умерла и вижу сон, счастливый сон... У нашей госпожи сегодня праздник... дозволено ли будет вашей преданной рабыне знать, почему великая госпожа приходит этой ночью в квартал людей народа Книги⁷ и спасает никому не нужную рабыню-иудейку. Разве у великой госпожи нет других, более важных дел...

– Это неправда, ты нужна мне. Вставай, но медленно и осторожно. Да, так. Я тебя согрею. Ты – Ракель, дочь моего друга Давида?

– Ракель, – подтвердила девушка, – Ракель Циони.

– Ягнёнок из Сиона, – улыбнулась Филис, сняла свой плащ и укрыла им Ракель.

Под плащом у Филис оказался строгий чёрный мундир-калазирис⁸ без знаков различия, но с планкой ордена Фортуната первой, то есть высшей, степени. Носить его име-

⁷ В альтернативно-исторической реальности «Божественного мира» людьми народа Книги (Писания) называют себя только иудеи.

⁸ Калазирис – здесь форменная, обычно облегающая фигуру, мужская и женская однотонная одежда: 1) патрисианской знати; 2) военных и гражданских чинов. Состоит из двух частей – короткой куртки с высоким стоячим воротником и застегивающимися полами, и длинных узких штанов-чулков.

ли право только те, кто восседает на Божественном Престоле, земные боги и богини римлян.

Ракель с благоговейным ужасом посмотрела на эту планку и прошептала:

– А я было подумала, что сплю, и вы мне снитесь...

Она хотела упасть на колени, но Филис не позволила.

– Тебе не нужно это делать. Твой бог Иегова, не я.

– Не он! Уже не он! Не он спасал меня, он меня бросил, когда я умоляла о спасении. Меня спасли вы, mea Dea et Domina⁹... У меня есть брат, – вдруг спохватилась Ракель, – Шломо! Ему всего пять лет, я велела Шломо спрятаться, а сама побежала, чтобы их отвлечь... Он должен был остаться в доме!

Макс оглядел дом семьи Циони. Дом был большой и ладный. Сколько раз его поджигали – так и не смогли поджечь. Должно быть, умные хозяева об этом позаботились заранее. Были бы ещё умнее – успели бы заранее сбежать, когда могли, подумал Макс. Но они надеялись, что пронесёт. В Темисии уж лет пятьсот как не случалось никаких погромов. Если даже Филис, и та не знала о погроме...

– Не бойся, мой друг найдёт твоего маленького брата, – сказала Филис и обняла Ракель, не как императрица и богиня, а как простая девушка свою попавшую в беду сестру. – Ну, вот. Теперь согрейся. Ты знаешь, у меня есть внутренний огонь... и он не только убивает. Он убивает только злых

⁹ Mea Dea et Domina – моя богиня и госпожа (лат.).

людей, а добрых – согревает.

– Знаю... теперь знаю, – прошептала иудейка.

Поймав взгляд Филис и уловив немой приказ, Макс кинулся внутрь дома.

Он вскоре возвратился. И, как сказала Филис, не один. Макс вёл – вернее, нёс, тащил, волок – кудрявого, упитанного мальчугана, тот упирался, не хотел идти, как мог, пытался укусить юношу, вырваться и убежать. Макс поставил мальчугана перед Филис и заметил:

– А этот бунтовщик растёт, похоже, а не раб.

– Я тебе не раб! Я не раб! – с негодованием вскричал мальчишка. – А ну, не трогай, ты! Я Шломо, сын Давыда и внук Янкеля, правнук Менахема, праправнук Саула! Мы Хасмоanei, происходим из царей!

– Из младшей ветви, очень младшей, мы теперь Циони, – тихо молвила Рагель, обнимая брата. – Шломо, это царица тысячи царей¹⁰, она выше всех под Солнцем и Луной, она спасла нас... со своим отважным другом. Ты понимаешь, она нас спасла? Это такое чудо! Оно теперь случилось, в Судный день!

Мальчуган осторожно, исподлобья посмотрел на Филис, насупился, сказал:

– Я знаю, кто она. Все знают. Она теперь на всех монетах. Вот.

¹⁰ «Царь тысячи царей» – один из множества торжественных титулов Божественного императора.

И опустил перед Филис на колени, вместе со своей сестрой.

– Там, в доме, все мертвы, – сказал Макс на *сиа*, особом патрисианском наречии, которое простонародью, а тем более, ивримам, знать не полагалось, – я насчитал шестнадцать тел.

– Их родители? – спросила Филис, также на *сиа*.

Макс мрачно кивнул.

– Давид пал с топором в руке, не как писатель, но как воин. Ему разбили голову. Ханне вспороли живот. Убили всех, даже рабов.

Филис сжала губы. Макс мог поклясться кровью Фортуната, что знает, о чём сейчас думает его подруга и богиня. «Тит Флавий уберёт от смерти своего Иосифа¹¹, а я своего уберечь не смогла». Он должен был скорее увести её от этих горьких и ненужных мыслей.

– Что будешь делать с мелкими? Они и так, и сяк обречены. Ты же не можешь взять этих двоих с собой в Палатинский дворец. Кто приютит их здесь, в Темисии, когда узнает, что они – беспомощные сироты, потомки мятежных царей?

Филис не ответила ему, только вздохнула. Подняла брата и сестру Циони с колен и спросила:

– Ракель, у вас есть родственники в Иудее? В Иерусалиме?

¹¹ «Тит Флавий уберёт от смерти своего Иосифа» – покоритель Иерусалима, а затем римский император Тит и его спутник, иудейский военачальник, затем писатель и историк Иосиф бен Маттафия, более известный как Иосиф Флавий.

Если вы Циони...

– Это было очень давно, – с грустью ответила иудейка. – Я видела Иерусалим однажды, издали, когда с отцом проезжала мимо из Птолемаиды. А Шломо не бывал нигде, кроме земли, которая нас приютила... Он вырос здесь, в Темисиини, как все мы.

– Может быть, в Израиле? В Леванте?

Ракель сокрушённо покачала головой.

– Левант такой большой, моя богиня и госпожа. Но у нас там никого нет. Мы все здесь... жили и остались. Мы сотни лет на службе у Державы Фортуната. В нас римлян больше, чем ивримов. Если б это не было грехом, я бы сказала: мы больше римляне, чем эти люди, что пришли нас убивать.

Она произнесла это, глядя в землю, обречённо, но твёрдо, с истинным достоинством дочери древних царей. Она не плакала. Она не заплакала ни разу с тех самых пор, как Филис увидела её. И она успела увести погромщиков от своего младшего брата, наверняка прекрасно понимая, чем это может обернуться для неё.

– Однако, вы считаете себя народом Книги, – задумчиво проговорила Филис. – Скажи мне, юный Соломон, ты сам хотел бы стать царём, подобно своему прославленному тёзке, сыну древнего царя Давида?

Мальчик опять набычился, словно его неволили к чему-то нехорошему, но также медленно, с достоинством кивнул.

– Что ж, так тому и быть! Ракель Циони, Шломо Циони,

вы отправитесь на землю ваших предков, вы поедете в Цион. В Иерусалим! Там вы найдёте Шимона Бар-Кохву, правящего этнарха Иудеи. Он уже стар, но верен Дому Фортунатов, он не предал Божественного Льва, моего покойного отца, даже тогда, когда его все предавали. Шимон Бар-Кохва не предаст и вас. Я с ним свяжусь, и он возьмёт вас под свою опеку. Ты будешь хорошо учиться, Шломо, ты будешь верен мне, моей державе, Дому Фортунатов. Твоя сестра за этим проследит. Через индикт¹², когда тебе исполнится семнадцать, и если мне позволят боги, я восстановлю Иудейское царство, я сделаю тебя царём над всеми иудеями. А ты вернёшь им, своему народу, Иерусалимский храм, который был разрушен дважды – сначала Навуходоносором, затем Титом. Ты должен дать народу иудеев его главную святыню, чтобы он не потерял себя. Ты меня понял, юный Соломон?

Мальчик упрямо молчал. Его сестра, краснея, чуть подтолкнула его локтем, и тогда Шломо сказал:

– Отец нам говорил, что у божественных владык нет настоящей власти. Он говорил, вы только царствуете, а правят за вас нобили и богачи. Князья и магнаты, вот кто правит миром, говорил отец. Он нам никогда не врал. Зачем врешь ты?

– Шломо! – ахнула Рагель, не зная, куда деться от стыда и страха.

Макс же был сумрачен, сосредоточен, как всегда, готов отреагировать немедленно. Филис смотрела на сирот Циони

¹² Индикт у новых римлян – период не в 15, а в 12 лет.

с интересом. Неслыханная дерзость этого мальчишки, похоже, ничуть не смутила её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.